Он пригласил Махиру в свой дом и усадил ее на диван.

Она слабо улыбнулась и чуть не упала. Он взял ее за руку, сел и переложил ладонь с запястья на ладонь, словно желая обхватить ее.

Он нежно обнял ее за руку, и ее брови опустились.

"..Ты можешь услышать от меня бессмысленные слова?"

Прошло минут десять с тех пор, как они вошли в квартиру Амане, прежде чем Махиру начала говорить.

"Мои родители женились не по любви. Не буду вдаваться в подробности, но они поженились просто из-за семейных дел и общих интересов"

Махиру категорически отметила, что в современной Японии такие браки случаются все реже.

Обычно люди женятся по любви. Жениться из взаимных интересов было вполне возможно, но упоминать об этом казалось таким архаичным.

Похоже, она принадлежала к высшему классу, и можно было предположить, что ее родители были такими же. Амане не мог сказать, что они совершенно не могли пожениться из-за таких причин...но он находил это невероятным.

Итак...на самом деле они не хотели иметь ребенка, но случился ночной контакт. Они родили меня, и у них не было другого выбора, кроме как предложить деньги. У них не было намерения воспитывать меня.

"Они не хотели растить ребенка ..."

"...Обычно они не возвращаются домой. Даже если они это сделают, они просто относятся к нему как к отелю"

"Я никогда особо не видела лиц своих родителей с детства", - тихо жаловалась Махиру, выглядя такой хрупкой.

Я не помню, чтобы они делали что-то типичное для родителей. Родитель, который меня вырастил, на самом деле была домработницей. У них есть дела, и обычно они сосредоточены на своих сторонах. Все, что они делают, - это дают мне деньги и отказываются от меня, говоря, что я им не нужна. Как бы я ни старался, как бы ни старалась быть хорошим ребенком, они просто не смотрели на меня.

В этот момент он, наконец, понял, почему Махиру проецировала себя как ангельское дитя.

Махиру страстно желала, чтобы родители хоть немного смотрели на нее.

Если бы она вела себя как хороший ребенок, они могли бы проявить заботу о ней и похвалить ее...Она поддерживала такое поведение даже с самой слабой надеждой и упускала возможность остановиться даже сейчас.

Она продолжала, все еще цепляясь за эту маленькую возможность, или, возможно, это был фасад, который она должна была поддерживать, чтобы никто не мог увидеть ее внутреннее "я".

Он не знал причины, но понимал, что Махиру действительно не желает этого.

"Но они никогда не проявляли заботы обо мне. Какой бы хорошенькой я ни стала, как бы хорошо ни училась, как бы ни занималась спортом и домашним хозяйством, эти люди ни разу не взглянули на меня. ...моя тяжелая работа была напрасной, но я все еще упорно работаю. Это глупо с моей стороны, не так ли?"

Хотя я и знал, что мне не воздастся. Этот унылый плач душил его сердце.

Эти двое не могут развестись, пока я рядом. Они не желают быть моими опекунами, потому что это причинит неприятности их делам и работе. Я тоже не могу обратиться за помощью к бабушке и дедушке. Я жду, пока закончу университет, и как только я смогу быть независимой, я не буду иметь никакого отношения к ним.

"Это..."

"...Я была потрясена, когда мне сказали прямо... что я никому не нужна. Я сдалась и просто пошла на качели под дождем"

Услышав эти слова, Амане, наконец, понял, почему она была под дождем в парке несколько месяцев назад.

Тогда она была потрясена словами своего родителя, грустно бродила и пришла туда.

Она чувствовала, что ей некуда идти, и у нее было выражение...потерянного ребенка, незрелого и встревоженного.

Ей не к кому было обратиться за помощью, и она не могла принять такие удручающие слова. Она была в растерянности, поэтому просто ушла и осталась там.

Он представил себе ее мысли тогда, и почувствовал вкус крови, растекающейся во рту.

Казалось, он невольно прикусил губы, потому что легкая боль и неповторимый запах распространились во рту. Необоснованная правда могла бы невольно вызвать гнев в его сердце.

"...Если бы они сочли это неудобным, они не должны были рожать меня."

По-настоящему слабое бормотание казалось таким же болезненным, как кол, вбитый в его грудь, оставляя его неспособным двигаться вообще.

В этот момент его сердце было разгневано, его разум стал пустым, когда он направил свой гнев на настоящих родителей, о которых говорила Махиру.

Она стала такой хрупкой, потому что никогда не получала любви от родителей, не могла показать, какая она хрупкая. Она вела себя жестко, но в глубине души плакала и не могла ни к кому обратиться за помощью.

Она сняла фасад, будучи хорошим ребенком, и выглядела такой хрупкой и мимолетной.

Как они могли довести ее до такого уровня?

Он хотел спросить это, но людей, покинувших Махиру, не было.

Более того, он не знал, что делать.

Он был взбешен суровой семейной обстановкой, в которой оказалась Махиру, но он не был для нее семьей.

Ему не следовало вмешиваться в семейную жизнь Махиру, а если он это сделает, ситуация может ухудшиться. Он ничего не мог сделать, так как считал, что все, что он скажет, может причинить ей боль.

Но если он оставит Махиру такой, какая она есть, она, казалось, сублимируется в воздух...Он положил одеяло рядом с собой на ее голову.

Он накрыл ее, спрятав лицо в тени. Пока она пребывала в замешательстве, он заключил ее в объятия.

Это был первый раз, когда он взял на себя инициативу обнять ее маленькое, беспомощное тело, казалось, склонное сломаться, если он приложит слишком много сил.

Амане обнял Махиру, потому что та никогда ни на кого не могла положиться и всегда молча терпела в одиночестве.

"А, А-Аманэ-кун…?"

"…Кажется, я начинаю понимать, почему у тебя такой характер."

"Насчет того, что я не симпатичная?"

"Не то чтобы…Скорее то, какой ты терпеливая, но такая упрямая."

Ей приходилось терпеть, потому что, если она хоть раз проявит слабость, то наверняка упадет.

Домработница, казалось, действительно заботилась о Махиру, но была всего лишь наемным чужаком, неспособным помочь Махиру.

И поэтому она могла только молча терпеть это, не имея возможности попросить кого-либо о помощи, и по этой причине она в конечном итоге притворялась.

" …Я не могу вмешиваться в дела вашей семьи, поэтому не собираюсь читать им лекции"

Как постороннему человеку, Амане не следует говорить о таких деликатных вещах, как семейные дела.

Но это не означало, что он не мог помочь и поддержать Махиру.

"…Я сделаю вид, что ничего не вижу, так что плачь сколько хочешь. Ты просто задохнешься, держа все это в себе."

Честно говоря, он действительно не хотел, чтобы она плакала.

Но если это и дальше будет накапливаться, однажды она рассыплется на части.

Таким образом, он надеялся, что она заплачет; что она освободится от всего напряжения, которое молча перенесла.

Если она страдала, он хотел, чтобы она говорила об этом; если она чувствовала себя одинокой, он хотел, чтобы она выражала свое одиночество. Только тогда Амане сможет оставаться рядом с ней и слушать ее.

Он был бессилен перед лицом ее бедственного положения, но, по крайней мере, он мог разделить часть ее бремени.

В какой-то момент он подумал, что слишком забегает вперед, но она начала двигаться в его объятиях, уткнулась лицом ему в грудь и рассеяла все его тревоги.

"...Ты клянешься, что будешь держать это в секрете?"

"Я ничего не вижу и ничего не знаю."

"...Тогда дай мне...минутку."

Он не ответил на ее дрожащее бормотание и просто снова накрыл ее голову одеялом, прежде чем обнять беспомощную спину.

Через мгновение он услышал слабое всхлипывание

Негромко, но это явно был всхлип Махиру.

Она никогда не оплакивала свою судьбу и терпела ее в одиночестве. Услышав, как она умоляет его о " поддержке', Амане и самому захотелось заплакать, когда он обнял ее маленькую спину.

***

"...Ты все-таки смотрел."

Она плакала недолго.

Он не смотрел на время, но это было минут десять или около того.

Он чувствовал, что это было прекрасно для нее, чтобы выпустить 16 лет страданий, но она, возможно, слишком устала от плача так долго, и ее тело просто перестало рваться. Умственное истощение, возможно, присоединилось к ее физическому истощению, и мозг, вероятно, хотел спать.

Махиру подняла лицо к Амане, ее глаза все еще были влажными, но к ним вернулось некоторое подобие энергии, когда они снова посмотрели на Амане, помолодев.

"Ну, ты у была меня на груди. Я старался не смотреть, пока ты не заплакала."

Он снял соскользнувшее одеяло и увидел легкую улыбку на ее лице.

"...Амане-кун"

"Что?"

"...Большое спасибо."

"Не знаю, за что?"

Я хотел это сделать и не помню, чтобы делал что-нибудь, за что меня благодарили. Он повернул голову в сторону, и Махиру снова уткнулась лицом ему в грудь.

"Пожалуйста, позволь мне сделать это еще немного."

"..Ох"

Он не мог оставить Махиру в таком состоянии. В конце концов, он хотел поддержать ее.

Он постарался сохранить невозмутимость, крепко обнял ее и нежно погладил по голове.

Если бы никто другой не восхвалял Махиру, Амане оказал бы ей честь.

Ты действительно много работала. Тебе не нужно заставлять себя стоять передо мной. Так он думал, нежно поглаживая ее по голове. Она, казалось, успокоилась, глядя на него с выражением лица, лишившегося сил

Но, может быть, она просто слишком волновалась из-за разных вещей, потому что не выглядела бодрой.

"...Что я буду делать в будущем?"

- тихо пробормотала Махиру, показывая встревоженную улыбку в Амане.

"Я много работала, но эти двое никогда не заботились обо мне. Другие тоже называют меня Ангелом, но на самом деле я им никогда не была нужна. То, что им понравилось, то, что им нужно, - это ангельская Махиру Сиина...а не настоящая я. Я была причиной такого исхода и я страдаю из-за этого. Разве это не иронично?"

"Это я довела себя до отчаяния", - с горечью отметила она и вцепилась в ткань на груди Амане.

"Настоящий я совсем не милая, робкая и эгоистичная, и неприятная по характеру...Я ни в коем случае не привлекательна."

"Ну, мне это даже нравится."

Он невольно выпалил свои истинные мысли.

Махиру мгновенно моргнула, и он посмотрел на нее, продолжая:

"Ну, у тебя бывают моменты, когда ты не милая, но у меня часто возникают мысли, что да, ты милая, я хочу защитить тебя. Кроме того, твоя прямолинейность - это то, что мне нравится, и никто с плохой настоящей личностью на самом деле не будет беспокоиться об этом."

"Ты думаешь об этом задом наперед", - он легонько щелкнул Махиру по лбу. Последняя была несколько ошарашена, отрицательное выражение исчезло с ее лица.

Самоуничижение Махиру было действительно чем-то, чего Амане никак не мог понять.

Все могли сказать, что она трудолюбивая, добрая девушка, независимо от того, как они смотрели на нее. Может быть, она и слишком прямолинейна в своих словах, но она вела себя разумно и говорила вещи для блага других.

Она сказала, что робеет, но это было неплохо. Она просто была слишком уязвлена и защищалась, чтобы не пострадать снова.

И если бы она действительно не была милой, Амане не стал бы беспокоиться из-за нее

Скорее, он надеялся, что она поняла, что была бы симпатичнее, если бы была самой собой.

"Не принижай себя. Перед тобой один парень, которому нравится видеть твое истинное "я"."

Возможно, ей не хватало самоуважения, потому что ее не любили. Однако Амане была не единственным, кому она нравилась. Было много других, которые чувствовали то же самое, и он действительно сожалел о ее серьезном непонимании.

Титосе тоже думала, что настоящая Махиру симпатична, и продолжал цепляться за последнюю. Ясно, что Титосе не будет просто смотреть на внешность.

Он посмотрел в карамельного цвета глаза Махиру, намекая на это, и ее глаза начали плавать вокруг.

Более того, красный цвет в уголках ее глаз мгновенно покрыл ее лицо.

Можно было бы сказать, что ее лицо было цвета розы, и к тому времени, когда он понял, что ее стыд может быть вызван смущением, она съежилась, ее глаза просто блуждали вокруг.

Глядя на состояние Махиру, Амане понял, что он, возможно, сказал что-то неуместное, и его лицо тоже покраснело.

Н-нет, послушай, Титосе и остальные чувствуют то же самое! Я ... я не имею в виду ничего другого! Дело не только во мне! Мама, папа, Титосе и Ицуки любят, когда ты не Ангел! Так что, на самом деле, я думаю... твоя личность более популярна, чем ты думаешь

Аманэ поспешно объяснил, и Махиру наконец посмотрела на него.

Но даже на мгновение факт оставался фактом, что произошло недоразумение, и она задрожала, покраснев, вероятно, смущенная словами Амане. Амане тоже было бы неловко, но она могла быть смущена больше, чем он, поскольку именно она слышала эти слова.

"Эм, если ты не можешь этого вынести или тебе надоели эти родители, ты можешь спрятаться в нашем доме. Мои родители приютят тебя, как только узнают о твоем положении. Так что просто думай об этом как об исцелении"

"..Нн"

"Ты очень нравишься моим родителям, и я чувствую, что они позволят тебе остаться с ними навсегда....ну, я не думаю, что они отпустят тебя, пока ты не обретешь счастье. Мы не можем вмешиваться в ваши семейные дела, но мы продолжим защищать тебя, пока иы не примешь решение"

"Нн..."

Амане сделал все возможное, чтобы объяснить и устранить недоразумение, и у Махиру снова

на глазах выступили слезы.

"П-почему ты опять плачешь?"

"Потому что я чувствую себя счастливой..."

Ну, тебе не повезло, так что можешь быть немного эгоистичнее."

Она была материально обеспечена, но больше ничего не получала. Она не получила той любви, которую заслуживала, и было удивительно, что ей удалось вырасти, не будучи искаженной.

Он чувствовал, что Махиру может заискивать перед кем угодно и быть импульсивной, несмотря на все трудности, которые ей пришлось пережить. Поскольку больше никто не хотел слышать ее страданий, он решил хоть немного восполнить их.

"...Итак, могу я попросить тебя кое о чем?"

"Что?"

"Пока я могу это сделать", - пошутил он, но она улыбнулась: "Это то, что можешь сделать только ты, Аманэ-кун", и пробормотала:

"Пожалуйста, посмотри на меня еще."

"Я смотрю, как ты усердно работаешь. Я не могу знать, куда ты убежишь, если я отвернусь, поэтому я буду продолжать наблюдать за тобой."

"..Пожалуйста, поймай меня"

"Тогда я буду держать тебя за руку."

И это все? Он посмотрел в лицо Махиру, которая смотрела на него в ответ, прежде чем застенчиво сказать.

"На сегодня, пожалуйста, поймай меня своим телом."

Сказав это, она обвила руками спину Амане, уткнувшись лицом ему в грудь. Его сердце на мгновение забилось быстрее, но он подумал, что было бы плохо иметь злые мысли, поэтому он подавил эти мысли, прежде чем снова обнять ее нежное тело.

http://tl.rulate.ru/book/52984/1337029